

Анго
Сакагути

Домик
в бамбуковых
зарослях

18+

Изящная классика Востока

Анго Сакагути

Домик в бамбуковых зарослях

«Азбука»

1921-1953

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Сакагути А.

Домик в бамбуковых зарослях / А. Сакагути — «Азбука»,
1921-1953 — (Изыщная классика Востока)

ISBN 978-5-389-33923-1

Жизнь японского прозаика, переводчика, эссеиста и литературного критика Анго Сакагути стала зеркалом XX века Японии. Известность к нему пришла в тридцатые годы, но настоящее признание – уже после войны. В его творчестве обрела голос послевоенная Япония, стоящая в тот момент на руинах собственной идентичности. Опыт военных лет, очарование творчеством Акутагавы Рюноскэ, погружение в европейский экзистенциализм – все это сформировало тот уникальный взгляд, который позволил Анго Сакагути стать одним из пионеров новой японской литературы. В настоящий сборник вошли избранные произведения писателя и его «Автобиография на ладони» – виртуозный образец ироничной саморефлексии. «Деревня Куротани», «Домик в бамбуковых зарослях», «В лесу под цветущей сакурой», а также художественно-историческая хроника «Ставка – жизнь», посвященная истории последних миссионеров в Японии эпохи изоляции, позволяют увидеть Японию во всей ее парадоксальности и самоценности.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-33923-1

© Сакагути А., 1921-1953
© Азбука, 1921-1953

Содержание

Автобиография на ладони	7
Деревня Куротани	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анго Сакагути
Домик в бамбуковых зарослях

##

####

© Е. В. Мягков, перевод, 2026

© Е. Л. Фролова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Автобиография на ладони (Моя краткая биография)

Я появился на свет не по своему желанию и не выбирал ни отца, ни мать.

Эта предопределенность преследует человека всю жизнь. Мы постоянно что-то выбираем, но само начало нашего существования не зависит от нашей воли.

С самого рождения человек – дитя, рожденное случайно в игре, где кости бросают другие. Наша культура может громко провозглашать свободу воли, но это лишь воздушные замки, и, когда маски спадают, знание возвращает нас к несвободе.

Браки по любви считаются прогрессивными, а сватовство – дурацким пережитком. Когда люди в конце концов поймут, что любовь – всего лишь непостоянное чувство, тогда браки по сговору, где будущий союз зависит от других людей, будут вызывать определенный интерес и, возможно, станут забавой для интеллектуалов через сто лет.

Что до моей биографии – я родился в Ниигате, учился в обычной младшей школе, потом в средней, откуда меня исключили. Казалось бы, с этого момента я сам выбирал свой путь. Но кости, брошенные другими, все равно преследовали меня.

Меня раздражают эти биографии, похожие на послужной список, – будто надо мной издевается демон, бросающий игральные кости. Поэтому напишу по-другому.

В начальной школе на физкультуре я едва не лишился носа – летящий диск просвистел в сантиметре от моего лица. В средней школе, стоя на стадионе, я едва не стал кастратом – копьё метнули так неудачно, что оно воткнулось в землю аккурат между моих раздвинутых ног. До сих пор, когда у меня жар, мне снятся эти диск и копьё.

В двадцать лет, поднимаясь в одиночку в горы, я сорвался в ущелье. Падая, я подумал: «Ну вот и конец». Но не было ни страха, ни печали. Правда. Потом открыл глаза – в горном потоке над водой торчала только моя голова. Меня спас набитый рюкзак.

В двадцать один год, читая книгу, я вышел из трамвая – и тут же был сбит автомобилем. Кувыркаясь в воздухе, полетел головой вниз, но навыки дзюдо спасли меня – я успел выставить руки вперед, так что отделался трещиной в черепе.

До двадцати семи лет я оставался девственником.

Потом, лет с двадцати семи или двадцати восьми, целых три года жил с чужой женой, и это была катастрофа, которая затмила все предыдущие опасности: метательные диски, копьё и машины. Я до сих пор не понимаю, как выжил, и стоит только подумать об этом, как перед глазами словно опускается черный занавес.

С тех пор я стараюсь по возможности избегать риска и прожил уже довольно долго, но вы и без моих признаний, вероятно, понимаете, что я, как тот отшельник из Кумэ¹, постоянно живу в смертельной опасности.

Алкоголь я пью с двадцати шести и с того времени выпил, наверное, порядка пятнадцати коку².

¹ *Отшельник из Кумэ* – легендарный персонаж, даосский отшельник, потерявший свои волшебные способности, увидев женские ноги. Упоминается во многих произведениях японской литературы, в том числе в «Собрании стародавних повестей» (датируется первой половиной XII в.). – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Коку* – традиционная японская мера объема, примерно равна 180,39 л (изначально применялась для мешков риса, которыми расплачивались и измеряли доход).

Деревня Куротани

Ягурума Бонта посетил деревню Куротани отнюдь не из-за особой дружбы с Хатия Рюдзэном или какого-то исключительного к нему интереса. Более того, сама мысль о Куротани еще до отъезда внушала ему почти что отчаяние. И все же он рассудил, что это лучше, чем оставаться в Токио, и, скрепя сердце, приехал, пережив долгую тряску в ночном поезде.

Настало лето, и, глядя на пушистые, словно вата, облака, что проплывали в вышине, Бонта ощущал в себе неудержимую жажду странствий, влекущую его в горы.

Когда в лазури плыли белые облака и он всем своим существом ощущал дыхание гор, но вынужден был в силу какой-то нелепой необходимости топтаться в каменных джунглях, его охватывало своего рода сильное нервное истощение, все тело – все пять чувств – испытывало странную жажду, и внезапно нападала бессонница.

Не было на то особой причины, но всю его жизнь определяли два пейзажа. Один, разумеется, – горы, а другой – шумная, клокочущая толчея города. Когда эти два мира смешивались в нем, он не мог выразить это словами, но явственно ощущал сам момент слияния – и тогда с особой остротой осознавал, как его тело медленно тает, растворяясь в этом потоке.

Тяжкая ноша, что он носил на себе изо дня в день, словно спадала с плеч у обочины горной дороги, и, если прислушаться, можно было различить легкий, чистый, звенящий звук, колокольчиком тихо разлетающийся во все стороны.

От природы он был хрупкого сложения, и восхождения в горы давались ему нелегко. Но зато после этого – целый год, пока вновь не наступал сезон плывущих облаков, – он живо помнил синие горные хребты и себя, взбирающимся наверх в их призрачном отражении. И тогда забывались и одышка, и все мучения, оставалось лишь радостное чувство, как будто он освобождается от тьмы, обступающей со всех сторон, и летит к свету.

Подобно тому как в горном безмолвии ему вспоминалась благословенная суэта города, так и в городской толчее перед ним неожиданно возникал образ гор – зримый, слышимый, проникающий в кожу, словно насыщенный аромат. В этом было нечто ностальгическое, как будто усталые, опустошенные мысли возвращались в родную обитель, чтобы в ней раствориться.

В моменты, когда его охватывала эта жестокая *nostalgie*, он ощущал жгучую жажду каждой клеточкой своего тела и думал: а что, если прямо сейчас, посреди этой городской толчеи, он упадет в обморок и в следующее мгновение каким-то волшебным образом его тело уже окажется в горах? Именно в такие дни он не знал, куда деть руки – они будто обретали собственную волю, словно живые существа, и начинали беспокойно метаться, хватаясь то за плечи, то за поясницу, то за спину, то за пустоту.

Однажды в такой именно день, идя в толпе, он вдруг вспомнил Хатия Рюдзэна. Так просто, безо всякой причины. У него не было денег на поездку, а Рюдзэн жил в глухих горах. Бонта и Рюдзэн не были особенно близки, даже в студенческие годы. Просто у обоих не было других приятелей на курсе, и потому они иногда встречались, считая себя довольно хорошими друзьями. Даже к моменту выпуска они обращались друг к другу на «вы» и использовали вежливые обороты, разве что в пылу спора или под хмельком позволяли себе грубоватые выражения – но тогда это выглядело естественно.

Рюдзэн не был человеком выдающихся способностей. Он был тем, кем и казался на первый взгляд, – самым заурядным добряком. Но у него были свои достоинства – в нем не было ни капли злобы, и, несмотря на провинциальность, он мыслил и рассуждал как городской житель, пусть и вполне банально, но искренне.

Рюдзэн был одинок – ни родителей, ни жены. Молодой настоятель храма Канрандзи в деревне Куротани. Но в тот миг, когда Бонта вдруг вспомнил о нем, перед ним возник образ Рюдзэна в монашеском одеянии, и в этом не было ничего странного или смешного – хотя он

никогда не видел его таким. Видно, в нем и вправду было что-то от монаха. Даже час сидения с ним лицом к лицу показался бы вечностью, а уж провести вместе все лето – одна мысль об этом уже тяготила. К тому же, как он выяснил по географической карте, деревня Куротани находилась хоть и в горной местности, но на самом деле в котловине между горами.

Однако в тот год Бонта пережил череду неприятных событий и был морально истерзан. Он чувствовал на своих плечах тяжкий груз апатии, близкой к отчаянию, поэтому решил, что лучше так, чем предаваться тоске в Токио. Он надел рюкзак и сел на ночной поезд, но его груз, казалось, становился тяжелее с набором скорости.

На следующее утро он сошел на маленькой горной станции. Когда пассажиры разошлись и на открытой платформе осталось не больше десяти человек, он с удивлением увидел Рюдзэна, который пришел его встретить. В соломенных сандалиях, в старомодном пиджаке, похожем на парадное камисимо³, с бледным круглым лицом, он неуверенно обходил пассажиров, словно облизывая каждого взглядом, пока не отыскал Бонту.

Заметив его издали, Рюдзэн медленно двинулся навстречу, вертя в одной руке за веревку что-то длинное и тонкое, и, приблизившись, произнес: «Ага!» Это непринужденное, до простоты обыденное поведение настолько поразило Бонту, что он тут же почувствовал, как его охватывает какое-то необъяснимое, но теплое чувство близости, совсем непохожее на ожидаемую тяжесть. Оказалось, что Рюдзэн вертел за веревку еще одну пару соломенных сандалий. Он велел Бонте надеть их – им предстояло пройти по горной тропе около десяти ри⁴.

Бонта любил идти по совершенно безлюдной горной тропе, смакуя безмерное одиночество и задыхаясь от свежего ветра. Бесспорно, это было мучительно: в изнеможении он уже не ощущал внутри себя ничего похожего на энергию, ничего твердого, тело его было покрыто липким потом, и казалось, будто оно тоже превратилось в стекающую слизь. А стоило только поднять голову, как невыносимо яркий свет, звеня натянутой струной, ослеплял его; голова кружилась, и в этот миг необъятная пустота и величественная душа гор врывались в его сознание, распахнув завесу тьмы.

В горах со всех сторон звенели цикады, и казалось, будто весь мир состоит только из этого звука. Бонта слизывал пот, стекающий по лицу, и погружался в какое-то подобие опьянения, – если бы он рухнул сейчас здесь в тени скалы, ему было бы уже все равно. Он не чувствовал ответственности даже за собственное тело, как если бы оно принадлежало другому, и, глядя в ясное небо в порыве отчаяния, ощущал лишь невыносимую жалость к самому себе – одинокому ничтожному существу.

Не пройдя и одного ри по горной тропе, Бонта уже впал в это опьянение, тогда как Рюдзэн, несмотря на нездоровый вид, судя по всему, привык к таким переходам: с самого начала его неуклюжая походка не выдавала усталости. Казалось, он уже совсем забыл о своем спутнике и молча брел, шаркая ногами. По правде говоря, за все это долгое путешествие они лишь раз осознали присутствие друг друга – в тот момент, когда спускались к горному ручью. Подумав, Бонта понял: это случилось как раз на середине долгого пути. Должно быть, там был какой-то ориентир, потому что Рюдзэн вдруг указал на изгиб ручья в долине и предложил отдохнуть.

Внизу лежала глубокая-глубокая долина – они слышали шум воды, но даже ее цвет невозможно было разглядеть. Спуск по крутому заросшему склону был крайне опасен – одно неверное движение, и можно было сорваться, а если бы они даже спустились, то одной мысли о мучениях подъема обратно хватило бы, чтобы отбить всякую охоту к такому отдыху. Но Рюдзэн после своих слов без колебаний шагнул в чащу, и Бонте пришлось последовать его при-

³ *Камисимо* (катагину) – накидка без рукавов с широкими плечами-«крылышками», разновидность официальной японской мужской одежды, популярная вплоть до середины XIX в.

⁴ *Ри* – японская мера длины, исторически использовалась для измерения расстояний по суше. Равна примерно 3,927 км.

меру. Однако, начав спускаться, он увидел, что опасность представлял не столько сам спуск, сколько манера Рюдзэна спускаться.

Тот с важным видом оглядывался на Бонту, словно оберегая его, но при этом сам едва держался на ногах. Раз-другой он терял равновесие и съезжал на несколько шагов, едва успевая остановиться, но, казалось, совершенно не замечал этого, а лишь строго смотрел на ноги Бонты, что было довольно комично. Наверняка, проходя этой дорогой, Рюдзэн имел привычку останавливаться на отдых именно здесь. Добравшись до ручья, он, как по заведенному порядку, снял одежду, повесил ее на ветку клена и плюхнулся в воду.

Ручей был здесь довольно широк, в некоторых местах глубиной по грудь. Рюдзэн то ложился на живот, раскинув руки, и пускал пузыри, потом вдруг, ловко извернувшись, переворачивался на спину, а затем снова ложился на живот – словом, он купался всеми способами, кроме собственно плавания. Они доели рисовые колобки, сидя в тенистом ущелье, и Рюдзэн растянулся на плоском камне, предложив Бонте сделать то же самое. Вскоре он крепко заснул. Глядя на его нездоровое худое тело с ребрами и суставами, резко выделяющимися под кожей, Бонта думал, что оно похоже на иссохшую лягушку, прилипшую к камню.

Ему казалось, что это всего лишь останки, в которых невозможно обнаружить никаких признаков жизни, не говоря уже о душе. Спать ему не хотелось, и потому следующие три часа, пока Рюдзэн не проснулся, он предавался странному, тоскливому отчаянию: то бултыхался в воде, то прислушивался к шелесту ветра в ветвях над ущельем, то разглядывал полосатую змею, уползающую в кусты.

Они добрались до перевала Куротани, когда уже стало темнеть. Бонта оглянулся назад и увидел, как пройденный сегодня путь превращается в набегающие друг на друга горные волны, растворяясь в густой лиловой мгле. Под затухающий далеко в горах стрекот цикад они спустились с перевала, и пейзаж вокруг стал совсем иным – обыденным и привычным. Все горы вокруг были изрезаны террасами рисовых полей, и рис колосился до самых вершин – днем, должно быть, по полям пробегали зеленые волны, а сейчас он лишь тихо шелестел под ветром. Лишь изредка на пути встречались буковые рощи, да и тот чистый горный ручей в долине теперь струился прямо вдоль дороги, став самой обычной неглубокой речкой.

Деревня Куротани – Черная Долина – насчитывала почти двести домов, выстроившихся в ряд вдоль речки Куротани. Уже в полной темноте они зашли в забегаловку на краю деревни и выпили удивительно дешевого местного саке. Распахнув окно на втором этаже, они обнаружили сразу за домом ручей, и прохладный воздух, какой бывает в горах, пробежал холодком по коже. Сквозь журчание ручья, звучавшее то ближе, то дальше, внезапно сверху навалилось ледяное безмолвие вздымавшихся к небу гор, проникая глубоко в их тела вместе с алкоголем.

Рюдзэн, к удивлению Бонты, оказался крепким на выпивку – по сравнению с ним он почти не проявлял признаков опьянения, но время от времени, словно вспомнив что-то, весьма ловко поддразнивал служанку. В эти моменты он выглядел вполне естественно, но стоило ему испугаться или опомниться, как он тут же возвращался к своей странной чопорной манере – это и был настоящий Рюдзэн. Бонте стало необычайно весело, он забыл об осторожности и напился вдрызг. Служанка, увидев, что он опьянел, стала настойчиво предлагать ему свои услуги.

Пожилая хозяйка, выйдя навстречу, поддержала ее:

– С настоящим мы, конечно, таких дел не затеваем, но вы как гость непременно должны сегодня у нас заночевать.

Почему-то это прозвучало как совершенно обычное приветствие.

– Не лучший способ отметить приезд, – непринужденно ответил Рюдзэн, отказываясь за своего спутника. – Лучше уж переночевать в храме.

Он изящно пресек болтовню женщин, словно человек, не раз оказывавшийся в затруднительном положении, и сумел так ловко перевести разговор, что женщины, не успев и слова вставить, лишь рассмеялись:

– Вот злюка этот монах!..

Они покинули забегаловку под шумные проводы. Это были и вправду шумные проводы. Лишь там, где они стояли кучкой, раздавались шум и голоса, а все остальное пространство поглощала кромешная тьма, где даже вблизи, сколько ни прислушивайся, не услышишь и не увидишь ничего. Когда они отошли немного, в ушах остался лишь выразительный шум горной долины.

Таково было первое впечатление Бонты от деревни Куротани. Но когда он пожил здесь, то понял, что эта на первый взгляд заурядная деревня обладает немного странным, но неповторимым очарованием.

Куротани была деревней развратной. Беспечная лукавая чувственность – да, именно так! – витала в самом воздухе, придавая небесам, лесам и лугам ту расслабленную, простодушную ясность, что кажется порой бесстыдной. Однажды, гуляя по горным террасам, Бонта невольно ускорил шаг, и вдруг молодая крестьянка, высунувшись из колосьев, внезапно выпрямилась и звучно крикнула ему вслед: «Хелло!» Бонта как раз дошел до гребня холма. Обернувшись, он увидел вдали безбрежный пейзаж, где силуэт крестьянки казался лишь точкой, и эта картина глубоко пронзила его. Он почувствовал прилив бодрости и ответил таким же радостным «Хелло!», скрываясь за горой. Но потом ему показалось, будто за этим приветствием скрывалось нечто большее.

Вечером он рассказал о случившемся Рюдзэну, и тот сказал ему, что это было обычное в Куротани приглашение на ночное свидание. Тут он вспомнил, как однажды на живописной тропе вдоль хребта, ведущей к границе провинции, девушка, сушившая папоротник, явно бросила на него многозначительный взгляд. Впоследствии Бонта еще не раз сталкивался с подобным – в разных местах и в разных формах. Но это нельзя было назвать развратом, скорее это было нечто прозрачное, извечное – некая смутная интимная близость, затрагивавшая самые глубины его существа. Это было не выставлением напоказ сокрытого, но полной, абсолютной беспечностью, что, подобно яркому небу, ровно струилась и раскрывалась вокруг.

В деревне, где полгода люди заперты снегами, а в оставшееся время солнце видят не так уж часто, сама природа отчетливо проступала и в человеческих чувствах. И лето здесь – лишь миг. Небо, солнце, благоухающие луга, деревья... Эта мимолетность, казалось, ставила печальную, безысходную печать на оборотной стороне торопливой чувственности, и лишь томная грусть проникала в сердце. И Бонта, поселившись в этом мире чувственности, начал ощущать невероятную легкость. И дело было не только в деревенских нравах: вершины, деревья, поля этой обычной горной долины – все это вместе породило особый ритм, который отзывался в его сердце.

Может, это и могло создать о Бонте впечатление как о сластолюбце, но в данном случае его спасало то, что он ждал от этого путешествия очень немногого. Немалую роль играл и уют храма Канрандзи, неотделимый от очарования Куротани. С той первой ночи своего пребывания в Куротани, устроившись в отдельном закутке пристройки при храме, куда его поселил Рюдзэн, Бонта с самого первого мгновения почувствовал себя не гостем, но испытал необъяснимое чувство комфорта, будто вернулся в собственный дом, где жил когда-то давно.

В храме, кроме Рюдзэна, не было ни души, поэтому он мог обходиться без встреч с ним без особой нужды. А если они и сталкивались, Рюдзэн не оказывал Бонте особых почестей как гостю, так что с едой тоже было просто: в любое время можно было пойти на кухню и поискать что-нибудь.

Порой скорее сам Рюдзэн, с видом человека, пришедшего в гости, навещал Бонту в его жилище, но это не было ни притворством, ни вежливостью, ни тем более подобоострастием. Да

и сам Бонта в такие моменты чувствовал странное: будто Рюдзэн – только гость, пришедший издалека. Случалось, они часами лежали, не разговаривая, но Бонта не чувствовал ни скуки, ни стеснения, как опасался перед отъездом. А потом оба засыпали, и, когда один просыпался и уходил на прогулку, вскоре просыпался и другой, смаковал пустоту безлюдного храма, словно с самого начала спал здесь один, и затем тоже уходил по своим делам.

Покидая эту атмосферу уюта и бродя без цели по Куротани, Бонта чувствовал, как деревня умиротворенно проникает в его душу, и, более того, в самом храме Канрандзи витала какая-то сладострастная дымка... Каждую ночь – может, ему и чудилось – он слышал крадущиеся шаги; деревянные подошвы осторожно, но отчетливо стучали по каменной дорожке – они проходили через главные ворота и исчезали в покоех Рюдзэна. Это была его любовница, приходившая сюда каждую ночь.

Разумеется, Рюдзэн не стал специально представлять ее Бонте, но и не делал из этого тайны. В тишине горной ночи до покоев Бонты иногда доносились сдавленные стоны, бессмысленные фразы вроде: «А Западная Япония – это тебе не Северная Америка», а иногда слышались и женские рыдания, наводившие на мысли о соответствующей сцене. Бывали ночи, когда громкие рыдания долго не стихали, но Рюдзэн, казалось, не пытался скрыть этого от Бонты. Тот тоже не особенно прислушивался, так что до него долетали лишь обрывки бессвязных звуков. Он не чувствовал между ними ничего, что можно было бы назвать страстью, – как ни крути, это не выходило за рамки обыденности. Лишь смутно он догадывался, что женщина была несколько образованнее крестьянки.

И это все – довольно долгое время он не знал даже ее имени, не говоря уже о том, чтобы увидеть ее лицо. Правда, однажды в сумерках он мельком увидел эту женщину со спины. Это было, когда они с Рюдзэном шли по тропе к горячему источнику в соседней деревне – если это можно было назвать источником: всего одна гостиница с единственной ванной. На развилке, где тропа сходилась с главной дорогой, в темной аллее криптомерий они заметили крупную фигуру женщины с пучком высоко поднятых волос – она возвращалась в деревню.

Их пути не пересеклись, и Бонта не обратил на женщину особого внимания и не разглядел ее лица, но через некоторое время Рюдзэн вдруг обронил: «Это она. Моя женщина. Зовут Томая Юра». На самом деле еще до этих слов, в те несколько секунд молчания, прежде чем Рюдзэн заговорил, в воздухе повисла какая-то смутная грусть, позволившая Бонте догадаться. Да, он уже ощущал густую меланхолию, рябью расходящуюся кругами в тусклых сумерках, и короткое молчание перед словами Рюдзэна показалось ему невыносимо долгим. Так что, услышав эти слова, он не обернулся немедленно.

Все же он обернулся чуть позже, но взгляделся не в удаляющуюся фигуру женщины, а в лиловые очертания гор, тонувшие перед нею в надвигающихся сумерках, – и повернул голову обратно. Тем не менее, насколько он мог заметить, женщина была одета в юката⁵, и то, как она его носила, определенно выдавало в ней человека, прожившего в городе. Вот и все, что он успел разглядеть. Они снова зашагали по узкой тропе, и хотя в поведении Рюдзэна ничего не изменилось, он был таким же отрешенным, как всегда, но в сердце Бонты зашевелилась глубокая печаль, долго не желавшая его покидать.

Вообще, в последнее время Бонта не мог не замечать, что в отстраненной манере Рюдзэна неуловимо проскальзывает нечто мрачное. Бонта решил про себя, что дело, наверное, в женщине, и от этого ему стало еще более тоскливо и одиноко. Но, даже выпив саке на источнике, Рюдзэн больше не обмолвился о женщине ни словом.

⁵ *Юката* – традиционная японская одежда, хлопчатобумажное, льняное или пеньковое кимоно без подкладки.

Незаметно приблизился сезон праздника Бон⁶, и по ночам на горе не умолкал барабанный бой, сопровождающий праздничные танцы. В этих краях праздник Бон отмечали в августе, когда лето уже клонилось к закату и даже в стрекоте цикад слышалась глубокая тоска.

* * *

Однажды утром Рюдзэн получил известие из соседней деревни примерно в пяти ри отсюда: там в богатой семье скоропостижно скончался один из сыновей, его давний знакомый, и монаха позвали на ночное бдение с отпеванием⁷. Рюдзэн уехал, рассчитывая пробыть там сутки. Бонте предстояло встретить ночь в одиночестве, и он почувствовал невыносимую тяжесть сгустившейся темноты, в которой тонул стрекот цикад. Он подумывал пойти в знакомую забегаловку и напиться, но чувствовал, что этого будет мало, поэтому просто бесцельно сидел в пустом главном зале храма. Он зажег масляную лампу, потом пересел, потом снова встал и принялся бродить взад-вперед по холодному полу, пока не наткнулся на покрытую пылью табличку с посмертным именем⁸: «Мирянин Донсо из храма Канранъин».

Он задумался, снова сел и, прежде чем осознал это, начал бормотать сутры, как будто во сне. Он не был монахом, но изучал в студенческие годы индийскую философию и смутно помнил наизусть пару коротких сутр. Вообще, само появление таблички было немалой загадкой для Бонты, тем более что ранее Рюдзэн рассказывал ему странную историю о прежнем настоятеле этого храма. Тогда она показалась ему нелепой и смешной, но сейчас, когда не с кем было посмеяться, образ прежнего настоятеля предстал без тени комизма. Поэтому Бонта не стал смеяться, а вместо этого сел прямо, как монах, и начал декламировать сутры. История же была такова.

Предыдущий настоятель, весьма ученый старый монах, любил выпить sake и полакомиться вареным осьминогом. Чтобы раздобыть средств на выпивку, он нередко устраивал азартные игры прямо в главном зале – в буквальном смысле слова собирал храмовые деньги⁹. Всякий раз отправляясь в город, он с радостью привозил оттуда осьминога. Однажды он раздобыл одного особенно упитанного и, весьма довольный, вернулся в храм. В ту ночь снова шла игра, и настоятель с трудом сдерживал нетерпение. Когда же под утро все наконец разошлись, он в предвкушении отправился в кладовую. С трудом отворив скрипучую дверь, он просунул внутрь тусклый фонарь и увидел, что в углу тот самый упитанный осьминог, прижавшись к стенке, с необычайно серьезным видом пожирает собственное щупальце.

Осьминог был столь поглощен своим занятием, что не сразу заметил свет, а заметив, страшно смутился, покраснел, отвернулся и надулся. Настоятель же был так потрясен и напуган, что стоял как вкопанный и не уходил. Тогда осьминог обиженно выразил на лице презрение и, словно говоря: «На, ешь!», протянул прямо к его носу свое превосходное щупальце. Настоятель в полной растерянности низко поклонился, отрезал поданное щупальце, как ему было приказано, и в панике вернулся в главный зал, где и проглотил его, испытывая при этом странное чувство. На следующий день настоятель окончательно помешался: ему хотелось лизать всех женщин подряд¹⁰, и очень скоро он отправился к праотцам.

⁶ Праздник Бон (О-Бон) – праздник поминовения усопших в Японии. Отмечается в июле-августе.

⁷ Ночное бдение в буддизме – чтение сутр у гроба покойного в ночь перед похоронами, которое обычно происходит на третий день после смерти.

⁸ Посмертное имя – в японском буддизме посмертное имя (каймё) пишется на табличке (ихай), которая считается воплощением духа покойного и используется в поминальных обрядах. Кроме имени, на табличке указывается дата смерти, иногда возраст и название храма, служители которого проводили похоронный обряд.

⁹ Храмовые деньги – пожертвования прихожан на нужды храма.

¹⁰ Осьминог – устойчивый эротический символ в японской культуре.

Вот такую историю как-то вечером поведал ему Рюдзэн. Бонта, услышав ее, сразу решил, что это уж чересчур, наверняка выдумка, и, смеясь, спросил об этом Рюдзэна. Тот тоже рассмеялся в голос, помолчал немного, а потом с серьезным видом, словно скрывая смущение, сказал:

– Все же забавно, что монах возжелал осьминога. – Он произнес эти слова с таким удивительно искренним чувством, что Бонта был сильно впечатлен и запомнил их надолго.

«Верно, его женщина должна обладать телесной красотой, подобной мягкотелым созданиям», – тут же решил про себя Бонта.

Даже беседуя на столь сладострастные темы, он не мог не чувствовать оттенка грустного одиночества во всем облике Рюдзэна – нечто совершенно отличное от похоти или непристойности.

И действительно, женщина Рюдзэна обладала телесной красотой. Он узнал это так: в ту тихую ночь, когда он читал сутры в главном зале, его неожиданно посетила Томура Юра.

– Господин Ягурума, господин Ягурума... – Сначала Бонта пропустил этот голос мимо ушей, как слуховую галлюцинацию, но тут же слова: – Монахом притворяетесь, сутры читаете? – отчетливо коснулись его спины.

Бонта ошеломленно обернулся и увидел силуэт крупной женщины, едва различимый рядом с круглой вертикальной опорой главного зала. Столь неожиданное явление... Вернее, не само явление было удивительно, а то, что творилось в сознании Бонты: в этот короткий миг он успел поразиться, оцепенеть, и все его мысли разом оборвались.

Вообще, хоть и не всегда, но часто, погружаясь в одиночество, он при внезапном появлении человека впадал в некий необъяснимый, беззвучный и бесцветный мир, совершенно отличный от наступившей реальности.

Это не имело отношения к тому, кто именно появился перед ним; более того, в тот миг было даже не важно, знает ли он его вообще. Почему-то становилось жутко; ощущая, как проваливается куда-то, он пристально, остро вглядывался в нечто, принадлежащее лишь ему одному. словно во сне блуждая в призрачных мирах, Бонта испытывал, пожалуй, самое глубокое одиночество в своей жизни, превосходящее все причины и следствия, – просто пустоту, монотонную вибрацию, длящуюся, казалось, вечно.

Обычно, приходя постепенно в себя, он сперва ощущал шевеление эмоций, пытавшихся на ощупь найти что-то во тьме, а потом постепенно начинал узнавать четко проявляющийся внешний мир в его кристальной чистоте.

В тот вечер он прошел через тот же процесс, и, когда до его слуха стала постепенно доходить реальная тишина, в ней отчетливо раздался внезапный взрыв безумного хохота, словно расходящийся кругами в ночной прохладе.

Однако в момент пробуждения он обычно терял способность удивляться, поэтому невозможно, как жаба, присел на корточки и уставился на лицо Юры снизу вверх.

– Вы тоже немного сумасшедший. Рюдзэн тоже сумасшедший...

Слушая ее высокий раздраженный голос, он, однако, успел заметить, что у этой дородной женщины было удивительно старомодное овальное лицо, выражавшее даже некую простодушную кротость, словно на картинке в старинной книжке. Это лицо совершенно не вязалось с ее грубоватыми словами, и к тому же она была изрядно пьяна. Бонта безотчетно выпрямился, пробормотал:

– Я не сумасшедший, – и только тогда окончательно пришел в себя.

Но женщина, казалось, не обратила никакого внимания на его слова; она уперлась левой рукой в пол, перенесла на нее тяжесть тела, и грузно опустилась, вытянув вперед обе ноги.

* * *

– Добрый вечер. Приятно познакомиться.

– Добрый вечер. Рад знакомству.

– Рюдзэн в отъезде, да?

– Думаю, сегодня он не вернется. Вы знаете?

– Он заходил и сказал мне перед отъездом...

– А, ну конечно... – Бонта на мгновение смутился от очевидности и потупился, но, поразмыслив, понял, что стыдиться тут нечего.

Рюдзэн, получив утром известие, – а он был не из тех, кому требуются долгие сборы, – душой уже был далеко, его сухопарая фигура простучала по камням и растворилась за главными воротами. Но чтобы в таком состоянии он зашел предупредить женщину – это было бы чудом, нелепостью, потрясением, комедией... И, подумав, Бонта ощутил нечто щемящее в груди. Он подавил глубокий вздох и побледнел.

– Рюдзэн меня очень любит.

– Да, это заметно. Мы с ним, хоть и зовемся друзьями, толком и не беседовали. Живем в одном храме, а порой по два-три дня не видимся. По правде, я о нем ничего не знаю.

– А он не очень-то и умен. Холодный, далекий, вечно погружен в какие-то свои мысли – просто невыносимо. Любить-то он меня любит, но говорит: «Ненавижу себя за это, за свое одиночество, за то, что чувствую эту любовь». А потом обнимает меня с безумной страстью. Я, в общем, понимаю его чувства, одиночество его это... Но не могу принять его внешнюю холодность. Рюдзэн – дурак. Совершенный дурак. Потому я решила с ним расстаться.

– Ого... это с сегодняшнего утра?

– Нет, давно. Но окончательно решила только что. К нам в деревню приехал сводник. Март месяц да праздник Бон – самый сезон для таких дел. Я уже как-то давно уезжала из деревни с таким. Понимаете? Ах, господин Бонта... Я только что спала с ним. А-ха-ха-ха-ха! Нет, вру, все вру, просто выпивали вместе...

Руки Юры, упиравшиеся в пол, заскользили, она завалилась на бок и растянулась во весь рост, как бесформенное бревно.

– Сводник очень обрадовался, сказал, что я – высшего качества. Вот я и пришла сказать вам об этом.

– Мне?

– Да. Хочу всем рассказать. И вам тоже.

Юра попыталась было приподнять голову, но тут же снова уронила ее на руки и больше не поднимала. Она была сильно пьяна.

Бонта скрестил руки на груди и... принялся размышлять о чем-то совершенно постороннем. Правильнее будет даже сказать не «начал размышлять о постороннем», а впал в состояние ума, когда он не думал ни о чем. В последние несколько лет Бонта не мог полностью погрузиться в текущие события. Все сначала должно было стать воспоминанием, и лишь тогда, вызвав призрак прошлого, он начинал с интересом ощущать тонкие эмоции или ту смутную атмосферу пережитого. Попросту говоря, даже в самые интересные мгновения он обычно скучал – скучал до тех пор, пока они не заканчивались. Его занимало *не сейчас* – он всегда невольно ускользал в мир каких-то прежних событий.

То же самое было и с музыкой, и со спортом: слушая Шопена, он изнывал от скуки, вспоминал когда-то услышанную мелодию Моцарта и замороженно погружался в нее; видя игрока на первой базе, он в уме перемещал его на третью и в возбуждении затевал блестящую кражу

«дома»¹¹. Подобные фокусы были для него делом обычным. И при этом он ведь действительно слушал Шопена – доказательством служило то, что впоследствии он вспоминал те мгновения с истинной радостью. «Шопен прекрасен, музыка Шопена восхитительна!» – сбивчиво твердил он направо и налево всем знакомым, словно гонясь за мечтой, и, едва дождавшись дня концерта, мчался в зал. Занимал свое место, но не успевал еще подняться занавес, как его снова охватывала смертельная скука, и до конца исполнения он думал лишь о постороннем. Значило ли это, что он не может испытывать волнение? Вовсе нет. Просто в момент сильнейшего возбуждения, криков и неистовых телодвижений он ощущал волну скуки от всего этого и впадал в уныние.

Тело Юры небрежно раскинулось на деревянном полу. В тусклом свете масляной лампы, которую заботливо поставил Бонта, ее фигура казалась пленительно-призрачной, подобно русалке, что пробуждает сказочную любовную тоску. Бонта, скрестив руки, уставился в темную пустоту и вскоре почувствовал, как по широкой-широкой глади моря, где волны тихо улеглись, мягко скользит закатное солнце, касаясь его кожи. Это был далекий океан, и темно-лиловая мгла на юго-востоке уже стучалась в черноту, а на западном горизонте лишь слабый свет зари излучал безбрежное одиночество. И там он увидел фигуру человека: склонив голову, по морской глади торопливо шел одинокий мужчина – на запад, на запад, – шел так, как уходят навеки.

Резкая тень полосой бежала по морю и уже растворялась в глубокой тьме позади него, но мужчина, казалось, полный решимости не возвращаться, шел устало, но все прибавлял и прибавлял шаг. Спустя некоторое время он, словно испугавшись чего-то, внезапно обернулся и искоса взглянул в темноту за спиной. И... о-о...

«Так я слышал... Так я слышал...»¹² – чувствуя, как его «я» разрывается на части и бежит вспять, Бонта выпрямился и, собравшись с духом, начал бормотать сутры.

Но и это было недолго. Бормотание постепенно стихло, и лишь барабанный бой с площадки для праздничных танцев у святилища Компира Даймёдзин¹³ на горе тихо проникал в самую глубь его существа. Тут Юра тоже приподнялась. Некоторое время она сидела, упершись руками в пол, тяжело склонив голову, словно прислушиваясь и выделяя из множества звуков отдельные.

* * *

– Танцуют, барабаны слышно...

– Да... Бом-бам-бом-ба-ба-бом-бом... слышу.

– Идемте посмотрим?

Юра, пошатываясь, поднялась и уставилась на масляную лампу, но вдруг с досадой рассмеялась:

– Посмотрите-ка внимательно на эту лампу! Дрожит кокетливо, будто ее щекочут... Не кажется же мне! Какая мерзкая... а-а-а...

Когда они вышли, походка Юры была не такой неуверенной, как опасался Бонта. Ветер не дул, но ночная прохлада леденила кожу, и казалось, этот холодок лишает всякой способности размышлять, что действовало угнетающе. Они прошли через кладбище позади храма Канрандзи. Дальше тянулась узкая крутая тропа, обсаженная криптомериями, которая через

¹¹ База, кража «дома» – термины бейсбола.

¹² «Так я слышал» – устойчивый зачин буддийских сутр.

¹³ Компира Даймёдзин – главное святилище храма Котохира в префектуре Кагава, в котором чтят божество Компира, покровительствующее мореплавателям и рыбакам.

каких-то четыре-пять тё¹⁴ выводила к святилищу Компира Даймёдзин, стоящему среди густого букового леса.

Стрекотание насекомых раздавалось то впереди, то сзади и резко обрывалось в ночи, пугая Бонту внезапно наступившей пустотой – в ней даже напряженная тишина казалась невыносимо шумной, – ибо его собственный дух начинал волноваться, словно вздымающиеся волны.

Еле разбирая дорогу в лунном свете, они добрались до подножия горы Компира, покрытого буковым лесом, но не увидели ни единого огонька, хотя сквозь листву уже слышались близкие крики толпы. Юре подъем дался довольно тяжело, и Бонта помогал ей подняться до самых ворот. Ступив на ровную площадку перед храмом, они обнаружили, что она заполнена народом, просто очень слабо освещена. Тускло-красный свет немногочисленных фонарей смутно выхватывал лишь часть толпы по краям, а в центре, вокруг невидимого снаружи огромного барабана, сельчане – и мужчины, и женщины – в широких соломенных шляпах и с красными повязками через плечо, бормоча похожую на молитву песню, неторопливо танцевали, двигаясь по кругу. Для этого танца очень подходило слово *der Reigen*¹⁵.

В сентябре уже понесутся грозные дождевые тучи; вскоре на всех деревьях в этих горах опадут листья, и только голые ветви раскинутся под низким небом; прольются торопливые дожди, стуча по опавшей листве, и к концу ноября все уже будет сковано глубокими снегами. Наступит новый год; залежавшийся в горных расщелинах почерневший снег наконец растает под голубым небом – и вот уже май. Потом поднимешь глаза на яркую синеву над горами – и вот он, разгар лета! Единственный сезон в году, когда выпадает возможность увидеть солнечный свет, а в остальное время все небо затянуто мрачными тучами.

Но и лето тоже пролетит как миг, а с ним пройдет и жизнь, и люди в деревне забудут о голубом небе, спрячутся под мокрыми соломенными крышами, станут тяжело вздыхать, и эти хриплые сетования проступят на изнанке ясного летнего неба прозрачной рябью.

А сейчас, цепляясь за мимолетное лето, уходящее с поспешностью сумерек, сельчане танцевали на горе Компира в исступлении, близком к неумолчному стрекотанию цикад. Хорошо, что водят девушки на зеленых лугах в пору цветения ландышей в Северной Европе, – вот та картина, которая всегда вызвала в душе Бонты глубочайший отклик. Он всегда желал, чтобы его собственная одинокая хрупкая жизнь, подобно этому сладостному исступлению, развеялась в небесах и он смог пройти по цепочке до самой смерти.

Низкий неумолимый ритм барабана отзывался в его существе сладостной дрожью и неудержимо влек к скитаниям. Стоя в саду перед святилищем Компира Даймёдзин, Бонта задыхался от переполнявших его эмоций и, растворяясь в них, ощущал радость отречения от собственного «я».

Бонта и Юра в молчании обошли кольцо зрителей, держась поодаль. Но умиротворенное состояние Бонты продлилось недолго. Из глубины толпы, покачиваясь, вынырнула голова и оказалась за спиной Юры. «Сестрица, есть дело...» – услышал Бонта низкий голос, но прошел еще пять-шесть шагов вперед, прежде чем спокойно обернулся. То был невысокий мужчина, с головой, обвязанной поясом на манер торговца, на первый взгляд похожий на приказчика из какой-то лавки. Они с Юрой о чем-то быстро переговорили, и вскоре она оставила мужчину, подошла к Бонте, посмотрела прямо ему в лицо и сказала безо всякого выражения:

– Прощайте...

– Прощайте?

– Это он. Тот сводник, о котором я говорила...

– Сводник?... А...

¹⁴ Тё – мера длины, равная 109,09 м.

¹⁵ Хоровод (нем.).

Но Юра уже повернулась к нему спиной и зашагала к своднику, который неторопливо шел, удаляясь от толпы и разглядывая небо. Они о чем-то пошептались, и вскоре мужчина, заметив, что Бонта смотрит на него, слегка поклонился издалека. Бонта смутился и поспешно кивнул в ответ, но ему стало вдруг неловко, поэтому он снова обошел всю толпу по кругу, время от времени останавливаясь и наблюдая за танцем.

Потом, решившись, он оставил гору Компира и зашагал вниз по той же тропе, какой они поднимались сюда с Юрой, с каждым шагом погружаясь все глубже в черную тьму, и, невольно ускоряясь, побежал под гору так быстро, что очутился у подножия, как во сне, а потом, не в силах остановиться, по инерции пробежал еще шагов десять вверх по следующему склону.

Бонта оглянулся и безразличным взглядом посмотрел на гору, откуда только что спустился. Криков толпы уже не было слышно, огоньки фонарей, конечно, тоже были неразличимы, лишь густая тягучая тоска заливала все его существо до краев.

Погруженный в это чувство, он пошел по темной крутой тропе, идущей параллельно главной дороге, пересек две горы, где царила безмолвная тишина, и, когда выбрался наконец на главную дорогу, обнаружил, что заблудился и находится уже далеко за деревней, в мрачном лесу посреди перевала Куротани, заросшего бамбуковой травой. Бонта поспешно развернулся и по главной дороге зашагал обратно в деревню. Он чувствовал себя так, словно прошел через долгую-долгую историю, и, заметив огонек забегаловки, нырнул внутрь. Служанка тоже ушла на танцы Бон, и в темном помещении сидела одна лишь старуха с сонным озабоченным лицом. Бонта не стал подниматься на второй этаж, а сел за стол и попросил немного sake.

– Молодежь-то вся поглощена танцами... – сказала старуха с непривычной для Куротани общительной улыбкой. – У нас даже девушки, уехавшие на заработки, ждут праздника Бон, чтобы вернуться и потанцевать.

Бонта сочувственно кивнул. Сидя здесь и потягивая sake, он чувствовал, как прежняя тоска продолжает окутывать его ароматным облаком, сладостно вибрируя.

В этом путешествии в деревню Куротани он еще ни разу не поднимал чашку sake с таким глубоким удовлетворением, как в ту ночь. Он болтал без умолку, выпивая все больше и больше, пока наконец не впал в легкое опьянение. Тогда он начал рассуждать о взглядах на жизнь, щеголяя перед старухой непонятными терминами, но та была чрезвычайно любезна и только поддакивала ему: «Верно, верно, совершенно верно». Ночь между тем стучалась все сильнее, и душное молчание уже витало в воздухе, словно вытекая из старых стен.

Тут вернулась служанка, ступая бодрым шагом, будто продолжая танцевать на горе Компира, и тут же следом за ней появился невысокий мужчина. Бонта остолбенел. Это был, без сомнения, тот самый сводник. Он присел на пороге, закинув ногу на ногу, бросил на Бонту острый взгляд, но тут же отвел глаза и сделал вид, что не заметил его.

– Ну что, я иду? – высокомерно бросил он служанке, собираясь подняться на второй этаж.

Во всех его манерах сквозила жестокая, хитрая расчетливость, которую Бонта не мог принять. Он почувствовал растущую изнутри ненависть и уставился прямо в лицо своднику, но тот невозмутимо поднялся наверх.

«Эй, постой! Давай-ка выйдем! Будем драться!» – Бонта хотел закричать от злости, но сдержался и передумал. «А что, если перебить у него служанку?» – раздраженно стал он строить глупые планы. Но конечно, она того не стоила, и мысль о том, чтобы обнимать ее по очереди со сводником всю ночь, показалась ему величайшим позором. Он в гневе решил уйти из забегаловки. Старуха и служанка были удивлены и уговаривали его остаться: «Вы же первый пришли, заночуйте, пожалуйста!» Но, почувствовав его решимость, сказали: «Заходите как-нибудь еще», вынесли из задней комнаты фонарь и насильно вручили его Бонте.

Он выбрался на уже погрузившуюся в глубокий сон улицу и с удивлением обнаружил, что пьян сильнее, чем думал: было трудно даже просто идти, да еще этот громоздкий фонарь в руке... Бонта готов был разрыдаться. В отчаянии он оглянулся, – к счастью, старуха все еще

стояла у входа и смотрела ему вслед. Обрадовавшись, он бросил фонарь посреди дороги и пустился бежать со всех ног, то спотыкаясь и петляя по уснувшим улочкам, то останавливаясь, чтобы перевести дух. Так он в полной тишине наконец добрался до западной окраины деревни Куротани, где неожиданно увидел, что посреди дороги все еще толпится народ – молодежь из соседней деревни, приехавшая на танцы, собиралась уезжать на грузовике.

В полном восторге Бонта подбежал и крикнул: «Возьмите и меня!» – но парни с повязками на головах остановили его: «Ты пьян, нельзя» – и исчезли в темноте, оставив за собой крепкий запах бензина. Бонта на мгновение остолбенел, пораженный не столько исчезнувшей машиной, сколько внезапно свалившейся на него тьмой и одиночеством. Но, собравшись с духом, он стряхнул с себя звук удалявшегося грузовика и стал взбираться по дороге к святилищу Компира Даймёдзин. На середине крутого склона, поросшего криптомериями, Бонта поскользнулся и с треском скатился на несколько шагов. У него не было ни малейшего желания подниматься. Он наслаждался своими ощущениями – тело в тишине словно сжималось до тончайшей шелковой нити, из глубин земли в кожу проникали удивительно тихие звуки... Тут он почувствовал, что кто-то приближается к нему сверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.